

Кротова Дарья Владимировна

ПРИРОДА В МИРОВОСПРИЯТИИ В. ШАЛАМОВА: РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ПОЭТИЧЕСКОЕ НОВАТОРСТВО

Статья посвящена анализу одного из важнейших образно-содержательных аспектов поэтического творчества В. Т. Шаламова, а именно - образам природы. Исследуется как связь с классической (в частности, тютчевской) традицией, так и своеобразие шаламовского понимания. Автор статьи приходит к выводу о глубоком новаторстве подхода Шаламова к интерпретации образов природы: в поэзии Шаламова раскрываются идеи о природе как организме, обладающем сознанием и эмоционально-чувственной сферой; об активной сознательной вовлечённости природы в любые события человеческой жизни; о единственности творческого процесса и бытия природы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 21-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья посвящена анализу одного из важнейших образно-содержательных аспектов поэтического творчества В. Т. Шаламова, а именно – образам природы. Исследуется как связь с классической (в частности, тютчевской) традицией, так и своеобразие шаламовского понимания. Автор статьи приходит к выводу о глубоком новаторстве подхода Шаламова к интерпретации образов природы: в поэзии Шаламова раскрываются идеи о природе как организме, обладающем сознанием и эмоционально-чувственной сферой; об активной сознательной вовлечённости природы в любые события человеческой жизни; о единственности творческого процесса и бытия природы.

Ключевые слова и фразы: лирика Шаламова; русская литература XX века; образы природы; пейзажная лирика; интерпретации природных образов; классические традиции; творческий процесс.

Кротова Дарья Владимировна, к. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
da-kro@yandex.ru*

ПРИРОДА В МИРОВОСПРИЯТИИ В. ШАЛАМОВА: РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ПОЭТИЧЕСКОЕ НОВАТОРСТВО

Лирика Шаламова – одного из крупнейших поэтов XX века – на сегодняшний день изучена недостаточно. Опубликован ряд ценных научных трудов, посвящённых поэтическому наследию Шаламова, но тем не менее многие аспекты творчества поэта пока оказываются ещё не вполне исследованными. К таким аспектам относятся образы природы, пейзажная лирика. Шаламов неоднократно подчеркивал значимость образов природы как в своём собственном творчестве, так и в русской поэзии вообще: с его точки зрения, «пейзажная лирика – вид гражданской поэзии» [6, с. 331]. «Большие поэты России, – отмечал Шаламов, – оставили нам такие образцы пейзажной лирики, которые сами по себе стали национальной гордостью, славой России, начиная с “Медного всадника” или “Осени” Пушкина» [Там же]. Безусловно, и многие пейзажные образы самого Шаламова должны быть отнесены к золотому фонду национальной поэтической традиции.

Размышляя об образах природы в лирике В. Шаламова, не так просто выбрать ряд стихотворений для анализа: практически вся поэзия Шаламова, за небольшим кругом исключений, так или иначе включает этот образный компонент. Почти всегда в стихотворениях Шаламова читатель встречается с пейзажной образностью – чаще всего это природа Севера, где Шаламов провёл в лагерях более семнадцати лет. Естественным, что северная природа, часто губительная, нередко спасительная, во многом и стала поэтическим субстратом шаламовской лирики. Лишь некоторые стихотворения Шаламова с миром природы не связаны – те, в которых душевная жизнь автора раскрывается вне сопоставлений с внешними реалиями, или поэзия, посвящённая теме города, или в какой-то мере любовная лирика (но только отчасти, так как во многих любовных стихотворениях Шаламова образы природы присутствуют, и именно через них любовное чувство и находит выражение). По справедливому замечанию одного из рецензентов, у Шаламова «и стихи не о природе зачастую воспринимаются как продолжение “природных” стихов» [1, с. 182]. Одним из первых и наиболее тонких критиков поэзии Шаламова был, как известно, Б. Пастернак: выделяя главные достоинства шаламовской лирики, он отметил прежде всего «строчки и строфы с образно хорошо воплощенными черточками природы и жизни» [3, с. 687], т.е. обратил внимание, в первую очередь, именно на природные образы Шаламова.

Удивительно, что Шаламов, для которого образы природы столь значимы, который так часто оперировал термином «пейзажная лирика», утверждал в одной из своих статей, что пейзажной лирики вообще не существует: «В строгом смысле слова никакой пейзажной лирики нет. Есть разговор с людьми и о людском» [6, с. 328]. В нашей статье обосновываются следующие идеи, которые, как представляется, проясняют позицию Шаламова: во-первых, природа в его понимании – это не «пейзаж» как таковой, а организм, наделённый сознанием и эмоционально-чувственной сферой, во-вторых, природа *всегда* активно вовлечена в жизнь человека, она – непосредственный участник всего происходящего в мире людей, в-третьих, представление о единственности творческого процесса и бытия природы – анализ лирики Шаламова доказывает, что поэт мыслит законы творчества и законы природы как единые в своих основаниях.

Все названные аспекты заставляют признать шаламовскую трактовку сферы природы по-настоящему новаторской. В то же время вполне возможно говорить и о преемственной связи с традициями русской поэзии. Вопрос о соотношении шаламовской интерпретации природных образов с классической традицией может послужить отправной точкой для размышлений.

Безусловно, Шаламов тесно связан с традицией, и эта связь проявляется, в первую очередь, в *значимости* сферы природы в его лирике, причём именно тех образов и мотивов, которые были характерны для отечественной поэзии. Выделяя круг таких мотивов, Шаламов отмечал: «Образы русской лирики, которые повторял в своем творчестве почти каждый большой поэт, – дорога, листопад, облака – ставшие классическими, традиционными, – это пейзажные образы» [7, с. 331]. Но взаимодействие с классической традицией проявляется у Шаламова не только на уровне мотивов и тем, характерных для русской поэзии. Это взаимодействие намного более сложное, и для того, чтобы его раскрыть, следует обратиться к лирике поэта классической эпохи, творчество которого для Шаламова было особенно значимым, – это Ф. И. Тютчев. Натурфилософия Тютчева оказала сильное воздействие на Шаламова, который во многом опирался на тютчевскую

традицию и в то же время полемизировал с ней. Шаламов сам признавал роль наследия Тютчева в формировании своего поэтического мышления: «Тютчев и Баратынский – вершины русской поэзии <...> В двадцатые и тридцатые годы имена Тютчева и Баратынского едва упоминались в школьных учебниках, хотя надо бы учить каждую их строку. Мандельштам говаривал, что в личной библиотеке русского поэта не должно быть Тютчева – всякий поэт должен знать Тютчева наизусть» [6, с. 452-453].

В основе тютчевской натурфилософии лежит, как известно, представление о том, что природа – это совершенный мир, целостный и наделённый высшей гармонией (достаточно вспомнить хрестоматийно известное «Не то, что мните вы, природа...», стихотворения «Весна», «Певучесть есть в морских волнах...» и многие другие). Бесспорно, природа у Тютчева имеет «два лика» [2, с. 576] – не только гармонический, но и хаотический (например, стихотворение «О чём ты воешь, ветр ночной?») раскрывает как раз стихийное природное начало). Но всё же Тютчев не был «ни мистиком, ни иррационалистом» [Там же, с. 578], и разгул хаотических сил не отменял, в его представлении, высшей гармонии природы. По мысли Тютчева, человек должен уметь увидеть, услышать и почувствовать совершенный природный мир, если не познать его, то хотя бы прикоснуться к нему («И жизни божеско-всемирной / Хотя на миг причастен будь!» («Весна»).

Шаламовское понимание природы во многом перекликается с тютчевским. Облик природы в лирике Шаламова, как и у Тютчева, двойственен: с одной стороны, природный мир – воплощение целостности, гармонии, разумного и одухотворенного течения жизни (образ вечнозелёного стланика в лирике и прозе Шаламова – ярчайший пример). С другой стороны, природа – мир не только гармоничный, но и губительный (беснующаяся пурга в стихотворении «Мне жить остаться нет надежды...», «злая» тайга в стихотворении «Всё те же снега Аввакумова века...» и др.). Но, как и у Тютчева, «хаотический» лик природы в понимании Шаламова не отрицает ее высшей гармонии.

Как и в поэзии Тютчева, у Шаламова читатель обнаружит противопоставление совершенства природы и наполненного случайностями мира человеческого: у Тютчева природа – это «животворный океан», а человек – «игра и жертва жизни частной», у Шаламова природный мир – «земная красота», а человеческий – не более чем «людские скорбные дела».

Как и для Тютчева, для Шаламова характерно ощущение в природе божественного начала. Не случайно столь частыми в лирике Шаламова оказываются сопоставления природы и храма, жизни леса, рек и гор с церковной службой: озёра и реки наполнены «святой водою дождевой» (стихотворение «Лицом к молящемуся миру...»), гора – «каменный потир», т.е. чаша причастия, травы – сами причастники. Вопрос о религиозности Шаламова чрезвычайно сложен, Шаламов писал, что веру в Бога утратил ещё в шестилетнем возрасте, но творчество поэта свидетельствует о том, что религиозные мотивы не были ему чужды. По мнению И. П. Сиротинской, «ощущение мира у него было человека религиозного» [4, с. 22], а Ю. Шрейдер, который был лично знаком с Шаламовым, полагал, что «мы вправе судить о христианской направленности его творчества» [8, с. 229]. Конечно, религиозное чувство Шаламова выражалось отнюдь не в ортодоксальных формах – поэт был далёк от канонического православия, его «Богом», как он сам признавался, была поэзия, творчество. В то же время осмысление природного бытия как проявления высшей разумной силы читатель встретит во многих стихотворениях Шаламова: «Моей религии убранство, / Зверье, узорную листву / Все с тем же, с тем же постоянством / Себе на помощь я зову» [6, с. 213].

При том, что связь в трактовке Шаламовым образов природы с классической (и, в частности, тютчевской) традицией несомненна, столь же несомненны и глубокие различия. Понимание Шаламовым природного мира резко индивидуально и не повторяет классические образцы (хотя и не отрицает связи с ними). Индивидуальные черты шаламовского видения касаются, прежде всего, характера взаимодействия природы и человека. Безусловно, это взаимодействие читатель найдет в лирике любого поэта, природа всегда связана с переживаниями человека, с миром его души. Подобная соотнесенность глубоко укоренена в литературной и даже долитературной традиции – как известно, для фольклора, для народной песни типичен параллелизм эмоционального состояния человека и природных явлений. В литературе эта общая установка – связь душевных переживаний и мира природы – реализуется предельно многообразно. Как понимается эта связь, предположим, в лирике Тютчева? В его поэзии жизнь природы сродни жизни души, поэтому те или иные природные явления символизируют происходящее в человеческой судьбе. Так, неожиданное появление и столь же внезапное исчезновение радуги (стихотворение «Как неожиданно и ярко...») воплощает быстротечность и изменчивость всего, что происходит в мире; созерцание ключа, скованного льдом, но хранящего в глубине тайный ток жизни, наводит поэта на мысли о человеческой душе, которая, несмотря на горечь пережитых разочарований, сохраняет надежду и стремление к полноте бытия («Поток сгустился и темнеет...»). Наблюдение природных явлений ведёт поэта к обобщениям мировоззренческого плана, размышлениям о человеческой судьбе.

У Шаламова мир природы тоже связан с человеческой жизнью, но совсем по-другому. Шаламов и сам писал о том, что его восприятие природы – иное. В комментарии к одному из своих стихотворений поэт упоминал, что ему приходилось читать «многочисленные рецензии, зачислявшие меня в “певцы природы”, в пейзажные лирики, в продолжатели линии Баратынского, Тютчева, Фета, Анненского. Немалая честь – быть продолжателем линии этих русских лириков. Однако круг моих поэтических идей, понимание пейзажа, погоды и природы в искусстве отличается от поэтических формул названных русских поэтов» [Там же, с. 503]. Это отличие состоит главным образом в том, что природа у Шаламова становится активным, деятельным участником жизни человека. Речь идет не только о параллелизме природных явлений и человеческой судьбы – своей «заслугой» в русской поэзии Шаламов называет «привлечение, вовлечение мира в борьбу людей, в злободневность» [Там же]. Этот принцип Шаламов выразил и в своей лирике:

Я вовсе не бежал в природу,
 Наоборот –
 Я звезды вызвал с небосвода,
 Привел в народ.
 И в рамках театральных правил
 И для людей
 В игре участвовать заставил
 Лес-лицедей.
 Любая веточка послушна
 Такой судьбе.
 И нет природы, равнодушной
 К людской борьбе [Там же, с. 402].

Природа никогда не бывает отстранённой от эмоций и переживаний человека, о чем Шаламов и сам говорил в комментариях к этому стихотворению: «При ближайшей, любовой встрече с природой оказалось, что она вовсе не равнодушна. Что пресловутой пушкинской, равнодушной природы – в мире нет. А природа всегда или за человека, или против человека» [Там же, с. 503]. Природу в лирике Тютчева, конечно, нельзя назвать «равнодушной», но его величественная и вечная природа – это божественная сила, которая, при её несомненной связи с миром людей, всё же не участвует непосредственно в их жизни. У Шаламова же природа действует вместе с человеком всегда, в любое мгновение. Характерны, например, шаламовские строки: «В гремящую грозу умрет глухой Бетховен, / Затмится солнце в Кантов смертный час. / Рассержен мир – как будто он виновен / Или винит кого-нибудь из нас» [Там же, с. 231], – природа непосредственно отзывается на события человеческой жизни, напрямую задействована в них. Она всегда чутко отзывается на эмоции человека: «Я жаловался дереву, / Бревенчатой стене, / И дерева доверие / Знакомо было мне», – природа выступает здесь как собеседник поэта, участливый и сочувствующий, причём отзывчивость природного мира сопоставляется в этом стихотворении с безучастием и холодностью мира, созданного людьми: «В дому кирпичном, каменном / Я б слова не сказал, / Годами бы, веками бы / Терпел бы и молчал» [Там же, с. 51]. В стихотворении «Тайга» из цикла «Лично и доверительно» Шаламов вновь размышляет о том, что природа ощущает внутренний настрой человека и отзывается на него:

Тайга молчальница от века
 И рада быть глухонемой,
 Она не любит человека
 И не зовет его домой.
 ...
 Но если голосом ребенка
 Попросят помощи у ней,
 Она тотчас бежит вдогонку
 И будет матери нежней [Там же, с. 111-112].

Вообще, в представлении Шаламова – и это одна из важнейших его идей – миру природы присущи человеческие чувства, переживания. Природа не просто резонирует в определённые моменты с эмоциями человека, не просто отражает состояние его души. Природа сама эти эмоции испытывает и, более того, умеет их выразить, необходимо только прислушиваться к ней и понимать её язык. Срубленные сосны, которые «мечтают» снова коснуться облаков, арктическая ива, которая «должна спешить жить», лиственница, отчаянно борющаяся с ледяной стихией «в страстной мечте о тепле»: «Вся корневая система / В мерзлой от века судьбе. / Это – упорства поэма, / Это – стихи о борьбе» [Там же, с. 386]. Стремление услышать, понять, угадать чувства и мысли деревьев и трав – это специфический, присущий именно Шаламову принцип осмысления природы. Шаламов полагал, что поэт должен дать природе возможность самой «высказаться»: «Я, пробывший столько лет наедине с природой, с камнем, с облаками, с травой, я пытался выразить их чувства, их мысли на человеческом языке, пытался перевести на русский язык язык травы и камня» [Там же, с. 503]. Тютчев, размышляя о природе, тоже признавал, что «в ней есть душа, в ней есть язык», но говоря о «языке» природы, он вкладывал в подобную метафору совсем иные смыслы. Язык природы, в тютчевском понимании, не похож на человеческий, природа – божественная сущность, и язык её – язык божественный, он может быть познан человеком лишь в малой мере, в какой человек способен приблизиться к божеству. У Шаламова же природа намного ближе к человеку, она переживает эмоции и настроения, сходные с человеческими, и потому язык её вполне может быть познан. Задача, которую ставил перед собой Шаламов-поэт, как раз и состояла в том, чтобы понять и истолковать этот язык.

В этом смысле Шаламов противопоставлял свой творческий метод поэтическим принципам Пастернака – творчеством которого Шаламов, безусловно, восхищался и пейзажное мастерство которого никогда не ставил под сомнение. Свой подход к изображению природных образов Шаламов всё же осмысливал как в корне отличный от пастернаковского: в пейзажах Пастернака, говорил Шаламов, «нет возможности орешнику высказаться, как кусту орешника, как явлению природы. При всем моем уважении и любви к Пастернаку-пейзажисту я не могу в его кустах слышать голос самого орешника» [Там же]. У Шаламова же и лиственница, и сосна, и тополь будто бы «сами» высказываются, а поэт словно оформляет их мысли и чувства в стихи.

Этот принцип диктует ещё одну характерную особенность природных образов у Шаламова: это предельная конкретность, детальность изображения природных явлений. У Тютчева, предположим, природные картины изображаются, как правило, достаточно обобщённо: это гроза, река, море... Например, одно из стихотворений Тютчева называется «Море и утес»: и читатель не знает, и для автора не столь важно, какое именно море и что за утес имеются в виду. Это символы, и вовсе не конкретика здесь оказывается значима для автора, а комплекс смыслов, стоящий за каждым из этих образов. У Шаламова, при всей символической насыщенности его стихотворений, природные описания предельно конкретны. Если Тютчев называет своё стихотворение «Листья», то Шаламов своё – «Корни даурской лиственницы». Невозможно представить себе, что это шаламовское стихотворение носит название «Дерево» или даже «Корни дерева». Для Шаламова важно, что дерево это – лиственница, и даже не просто лиственница, а лиственница даурская. При том, что стихотворение имеет безусловный символический подтекст, конкретность и определённая образа здесь играют принципиальную роль, поскольку природный образ у Шаламова – дерево, камень, ручей – это непосредственный участник жизни лирического героя, это то или иное дерево, тот самый камень и именно этот ручей. Сам Шаламов воспринимал подобный подход к изображению природы не только как индивидуальную особенность своего поэтического мира, а как имманентное свойство новой поэзии, поэзии XX столетия: «Сейчас мало писать о птице и дереве. Надо писать о ласточке и лиственнице, может быть, даурской. В поисках точности лирика ищет встречи с наукой» [Там же, с. 332]. Шаламов полагал, что научные достижения, открытия XX века заставили человека увидеть мир иначе, чем в предшествующую эпоху, значительно более детально, и потому поэзия XX века должна стать тоже намного более точной в изображении мира. Является ли этот принцип общим для поэзии XX века – вопрос, который требует отдельного исследования, но то, что эта закономерность в полной мере реализуется в лирике самого Шаламова, – можно утверждать безусловно. «Пусть чернолесье встанет за деревьями – / Тропинкой вглубь идут мои стихи. / Не лес я должен видеть за деревьями, / А голубую кожу ольхи» [Там же, с. 391], – такая пристальность поэтического взгляда в высшей степени характерна для шаламовской лирики.

Ещё одна важнейшая и резко индивидуальная грань трактовки Шаламовым образов природы – это их теснейшая связь с самим процессом творчества. Вообще, тема творчества, поэзии – одна из главных для Шаламова. В его лирике затрагиваются самые разные аспекты этой темы – смысл и назначение творчества, личность поэта-творца, наконец, сам творческий акт. Принципы творчества Шаламов нередко осмысливает именно через природные процессы: судя по его стихам, Шаламов остро ощущал единственность творчества и бытия природы, законы стиха поэт воспринимал как законы природной жизни. В этом – безусловное новаторство шаламовского подхода, неповторимость его поэтического взгляда. «Рукописи – береста, / Камни – черновики. / Буквы крупного роста / На берегу реки» [Там же, с. 341], – для Шаламова природная жизнь и стихосложение – это лишь разные грани единого творческого начала мироздания. «В годовом круговращенье, / В возвращенье зим и лет, / Скрыт секрет стихосложения – / Поэтический секрет» [Там же, с. 397], – четыре времени года и четверостишие стиха оказываются в своей основе тождественны. Природа, по Шаламову, не просто даёт впечатления или условия для творчества, природная жизнь в своей глубинной сущности – это то же самое, что и творчество.

Необычным, новаторским оказывается и осмысление хода творчества, процесса создания стихов через жизнь природы. Например, в стихотворении «Мак»: «Пальцами я отодвинул / Багровые лепестки, / Черное сердце вынул, / Сжал в ладоней тиски. // Вращаю мои ладони, / Как жесткие жернова, / И падают с тихим стоном / Капельками слова» [Там же, с. 230]. Поэтическое слово «образуется» из растения, из растертого в ладонях цветка мака. «Капельки слов» – не что иное, как сок цветка. Мак, названный в этом стихотворении кровавым, заставляет читателя вспомнить размышления Шаламова о том, что в настоящих стихах на строчках всегда выступает кровь («...мой поэтический дневник должен был дать ткань кровотокашную. Без чистой крови нет стихотворений, нет стихотворений без судьбы, без малой трагедии» [7, с. 355]). Кровавый мак и кровь поэтических строк – для Шаламова творчество и природа оказываются предельно сближены, грань между ними – зыбкой и легко преодолимой. Много раз в стихотворениях Шаламова читатель встретит метафору «стихи – цветы» (стихотворения «Букет», «Я устаю от суеты...» и многие другие), тайга станет для Шаламова читаемой книгой («Ты не оценишь этот мир / В снегу, / Зачитанную мной до дыр / Тайгу»), вся его поэзия – яблоневым садом (стихотворение «Мне жить остаться – нет надежды...»).

Поэтический текст и природное явление – раскрытие одного через другое становится характерной чертой мышления Шаламова, специфическим ракурсом его мировидения:

Я, как рыба, плыву по ночам,
Поднимаясь в верховье ключа.
С моего каменистого дна
Мне небес синева не видна.

...

Пусть пугает меня глубина.
Я, пока пролетает волна,
Постою, притаившись в кустах,
Пережду набегающий страх.

Так, течению наперерез
Поднимаюсь почти до небес,
Доплыву до истоков реки,
До истоков моей тоски [6, с. 95].

Творчество – это необходимое, неуклонное, мучительное движение, восхождение к «истокам» тоски. Это всегда движение против течения, «течению наперерез», это всегда движение, требующее преодоления себя, и это всегда движение к небу.

Образы природы становятся той призмой, сквозь которую Шаламов преломляет все важнейшие явления своей внутренней жизни – любые эмоции, переживания и размышления. Природа у Шаламова – всегда непосредственный участник жизни человека, она в буквальном смысле вовлечена во всё происходящее в мире людей. Наконец, явления природы и сами обладают эмоционально-чувственной жизнью, и задача поэта – понять тот язык, при помощи которого эти эмоции находят выражение. Преемственность Шаламова по отношению к русской классической (в особенности, тютчевской) традиции в осмыслении мира природы несомненна, но ещё более явственно обнаруживается необычность его поэтического взгляда и безусловное новаторство.

Список литературы

1. Красухин Г. Г. Человек и природа // Сибирские огни. 1969. № 1. С. 181-183.
2. Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 565-594.
3. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. Т. 9. Письма 1935-1953 гг. 784 с.
4. Сиротинская И. П. Мой друг Варлам Шаламов // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6-ти т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 7, доп. 528 с.
5. Тютчев Ф. И. Весна [Электронный ресурс]. URL: <http://lit-classic.ru/index.php?fid=1&sid=22&tid=2664> (дата обращения: 27.06.2016).
6. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. Т. 3. 526 с.
7. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. Т. 4. 494 с.
8. Шрейдер Ю. «Граница совести моей» // Новый мир. 1994. № 12. С. 226-229.

NATURE IN V. SHALAMOV'S WORLDVIEW: RECEPTION OF CLASSICAL TRADITIONS AND POETICAL INNOVATION

Krotova Dar'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
da-kro@yandex.ru

The article is devoted to analyzing one of the key imaginative and meaningful aspects of V. T. Shalamov's poetical creative work, in particular – nature images. The paper explores both the relation with the classical (in particular, Tyutchev's) tradition and originality of Shalamov's interpretation. The author concludes on Shalamov's deeply innovative approach to interpreting nature images: Shalamov's poetry discovers the conception of nature as an organism having consciousness and emotional and sensual sphere; the poet proposes an idea of active conscious involvement of nature in all events of human life, argues for consubstantiality of creative process and existence of nature.

Key words and phrases: Shalamov's lyrics; Russian literature of the XX century; nature images; landscape lyrics; interpretations of nature images; classical traditions; creative process.

УДК 821.161.1

Статья посвящена расшифровке дополнительных значений малой прозы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и решению проблем по установлению скрытых связей отдельных беллетристических произведений с основным публицистическим текстом. Исследование выявляет тесную взаимосвязь малой прозы с русско-славянской тематикой «Дневника» и позволяет утверждать, что в «Мужике Марее», «Столетней» и особенно в «Кроткой» автор посредством художественных образов анализирует такие макро-проблемы, как историческая роль русского народа, положение славян в Европе, борьба славян за независимость.

Ключевые слова и фразы: Достоевский; «Дневник писателя»; «Кроткая»; южные славяне; макропроблема.

Прийма Иван Федорович

Институт русской литературы Российской академии наук
priima-ivan@yandex.ru

МАКРОПРОБЛЕМЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Художественная проза играет в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского [5] особую роль. «Самостоятельные» литературные произведения незримо связаны со стержневой идеологией издания, его публицистической и философской составляющими. Такое жанровое своеобразие «Дневника» многократно отмечалось, и дополнительный смысл прозы в нем подвергался расшифровке: достаточно назвать имена А. С. Долинина, В. Б. Шкловского, Д. В. Гришина, В. А. Туниманова, М. М. Дунаева, Г. С. Прохорова, Р. Кидэры. Однако «подтекст» целого ряда художественных глав до конца не выяснен, что приводит к созданию новых гипотез.